

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Apolinar B. Parale. Facts and issues on the Pilipino language. Malabon, 1969, XIII, 294 p.

Аполлинар Б. Парале — декан педагогического колледжа в Форте Бонифасьо (пров. Рисаль), один из самых молодых среди известных филиппинских ученых-гуманитариев, член комитета по составлению программ и учебных планов Филиппинского совета по национальному образованию, видный публицист и ярый сторонник «крестового похода за национальный язык» (так его рекомендует редактор рецензируемой книги проф. Роберт Т. Яп-Диангко).

Книга А. Парале посвящена истории развития и современному состоянию национального образования, просвещения, языковой политики Филиппинской Республики и языковой ситуации в ней, т. е. проблемам этнопедагогике¹, этнолингвистике и социоллингвистике. Она представляет значительный интерес уже потому, что выражает по существу официальную точку зрения. В то же время эта книга является наиболее обобщающей, фундированной, актуальной и реалистической работой по своему подходу к решению языковой проблемы. Во введении, открывающем это издание, бывший министр просвещения Филиппин Карлос П. Ромуло отмечает, что все больше и больше общественных сил включается в дискуссию по проблеме национального языка, разрешить которую, по его мнению, помогут «коллективная мудрость и воля». В предисловии видного общественного деятеля Филиппин, бывшего сенатора Рауля С. Манглупуса подчеркивается, что, в отличие от Латинской Америки, испанский язык на Филиппинах никогда не был национальным языком и оставался лишь языком колонизаторов и местной элиты, а английский язык, несмотря на более широкое распространение в сфере политики, экономики, образования, так и не стал «домашним языком» филиппинцев. Естественное развитие тагальского языка, считает он, создает «окончательную и прочную базу филиппинского языкового национализма».

Усилия автора и его книга получили основательную поддержку известных ученых и общественных деятелей Филиппин, таких как Паралюман С. Аспильера, Хосе В. Панганибан, Эпифанио де лос Сантос, Гонсало дель Росарио, Селедоньо О. Ресуррексьон, выдающих в общенациональном языке важнейшую основу реального национального единства.

В первых двух главах («Язык и прогресс», «Иностранный язык и филиппинец») А. Парале характеризует роль и общественные функции языка как средства общения, хранения и передачи информации, накопления знаний. Показывая роль иностранного языка в современный период, автор убедительно демонстрирует «губительное воздействие колониального языка на филиппинцев» (стр. 5), отмеченное еще в конце прошлого века национальным героем Филиппин, выдающимся филиппинским писателем Хосе Рисалем². Когда «филиппинец осознает, что он не в силах овладеть такой беглостью в английском языке, с какой говорят англичане или американцы» (стр. 6), пишет автор, у него возникает чувство собственной неполноценности. Введение в 1900 г. американцами системы школьного обучения на английском языке (вернее, на «американском английском» — В. М.) явилось инструментом американской колониальной политики на Филиппинах.

Эксперименты по использованию местных языков для целей школьного преподавания начались на Филиппинских островах в 1925 г., когда наглядно проявились серьезные дефекты в начальном образовании, поставившем в значительной степени двуязычных недоучек, не знавших толком ни одного языка. Проследив продолжение этих опытов в последующем десятилетии, автор в главах III и IV («Национальный язык и Конституция» и «Осуществление конституционных установлений о национальном языке», стр. 11—28) излагает предысторию вопроса, облачая корни сегодняшних языковых противоречий.

В 1935 г. Конституция Автономных Филиппин предписала Конгрессу «предпринять шаги, направленные на развитие и усвоение общенационального языка, основанного на одном из существующих местных языков» (статья XIV, параграф 3)³. Во исполнение

¹ Обоснование этнопедагогике как специальной научной дисциплины см. в статье: Д. Д. Тумаркин, Просвещение в Папуа-Новой Гвинее, «Сов. этнография», 1969, № 6, стр. 66.

² Хосе Рисаль, Избранное, М., 1961, стр. 147—150, 190, 197, 222, 223 и др.

³ По последним данным, на Филиппинском архипелаге зарегистрировано около 120 языков и диалектов, восемь из которых считаются основными. Это наиболее распространенные, с числом носителей свыше 1 млн. чел., тагальский, сугбуанонский, илоканский, хилигайнонский, бикольский, самарнонский, пампанганский и пангасинанский языки. Перед тем как выбрать тагальский в качестве «основы» национального языка, было проанализировано и отвергнуто множество предложений законодателей и избирателей; например, было выдвинуто даже предложение определить «основу» национального языка путем всенародного референдума.

этой статьи Основного закона, которая отражала мнение большинства филиппинских законодателей, президент Мануэль Л. Кэсон в своем послании Конгрессу от 27 октября 1936 г. рекомендовал создать Институт национального языка, возложив на него обязанность исследовать филиппинские языки с тем, чтобы развить и внедрить «общенациональный язык, основанный на одном из них». В том же году этот институт был основан в соответствии с законом № 184, принятым 13 ноября 1936 г. Несмотря на то, что 7 членов Института национального языка (ИНЯ) один был тагалом, данный институт после годичных исследований рекомендовал президенту «принятие тагальского языка в качестве основы (разрядка наша.— В. М.) национального языка Филиппин». Эта рекомендация была принята чрезвычайным указом президента № 134 от 30 декабря 1937 г. (в День памяти Х. Рисаля). Тагальский язык был официально провозглашен основой национального языка.

В 1940 г. были изданы «Грамматика национального языка» и «Тагальско-английский словарь» и во всех государственных и частных школах страны в обязательном порядке введено изучение национального языка. По закону Автономных Филиппин № 5 от 7 июня того же года «филиппинский национальный язык» объявлялся официальным языком страны с 4 июля 1946 г., когда предполагалось предоставление независимости Филиппинам. С 13 августа 1959 г. в соответствии со специальным приказом Министерства просвещения этот язык стали именовать в государственных документах прессе «филиппинским или пилипино». Одновременно повсеместно были введены ежгодные «недели национального языка» (13—19 августа), особенно широко и торжественно отмечающиеся в школах и колледжах, государственных учреждениях и т. п.

Как мы видим, языковая политика филиппинского правительства с самого начала была направлена на всемирную поддержку филиппинского национального языка. Этот язык рассматривался как средство общефилиппинского общения, выражения общенационального самосознания, средство политической, социально-экономической и культурной интеграции всего населения Филиппин. Такая языковая политика должна была способствовать тому, чтобы каждый представитель различных народов, национальных меньшинств, племенных групп и племен страны осознавал себя прежде всего представителем всей 35-миллионной филиппинской нации, выступал как «филиппинец», а у потом как тагал, себуанец, илоканец и т. д.

В V главе своей книги «Почему тагальский?» А. Парале излагает аргументы в пользу тагальского языка в качестве «основы» национального языка. Он опровергает возражения своих противников, утверждающих, что тагальский язык якобы не может быть национальным вследствие того, что тагалы не являются самой крупной этнической региональной группой, что они станут навязывать свою волю остальным народам, что тагальский язык труден для изучения, что на нем не будут говорить все филиппинцы и т. д. Однако автор делает это все же недостаточно убедительно, ссылаясь по преимуществу на высказывания испанских монахов XVII в. (П. Чирино и Д. Наваретте), а также высказывания современных американских ученых и политических деятелей (Д. Дохерти, Фр. Блэйка, Х. Бартлета, Р. Хэйдена, Р. Питтмена и др.) по поводу роли тагальского языка в истории Филиппинских островов (стр. 33—36).

Обращаясь к истории, следует подчеркнуть тот факт, что язык тагалов еще в доиспанский период играл важную роль в политическом, торговом и культурном общении разных групп филиппинцев⁴, что тагальский знали и представители иноязычных этнических групп, что глоттохронологические изыскания свидетельствуют о большой близости тагальского с основными филиппинскими языками⁵; кроме того, среди этих языков только он один развивался в язык литературный, и он исследован несравненно лучше и полнее, нежели любой другой из филиппинских языков.

Правильно подчеркивая роль неагалов в выборе тагальского языка в качестве «основы» национального, Парале в то же время упускает из виду те отрицательные факторы, которые сопутствуют введению этого языка в законодательном порядке. Следует напомнить, что конституционное установление предполагало искусственное обогащение тагальского языка лексическими и грамматическими элементами родственных языков, «подняtie тагальского до уровня национального», хотя это и не было отчетливо зафиксировано в официальных документах.

Опыт прошедшей трети века подтвердил нереальность такого предположения: тагальский язык и в качестве «национального» (а с 1959 г.— «филиппинского или пилипино») остался тем же тагальским, несмотря на то, что его лексика пополнилась за счет новообразований и заимствований за этот период. Парале тщетно старается доказать явно недоказуемое, когда убеждает читателей, что тагальский и пилипино — это разные языки, что тагальский — лишь «основа» национального языка (стр. 77, 250, 251 и др.). Да в этом и нет никакой необходимости.

Автор рецензируемой книги старается оградить руководство ИНЯ от обвинений в пуриме, показывает огромные потенциальные возможности тагальского словообразования; от каждого корневого слова в тагальском языке может быть образовано в

⁴ См.: B. S. Salamanca, The Filipino reaction to American rule, 1901—1913, s. 1, 1968; E. J. Frei, The historical development of the Philippine national language, «Philippine social science and humanities review», 1949—1950, vol. XIV—XV.

⁵ См.: В. А. Макаренко, О степени родства тагальского и индонезийского языков, в сб. «Вопросы филологии стран Юго-Восточной Азии», М., 1965, стр. 73—103.

среднем по 50—70 производных (аффиксированных), а также сложных, удвоенных и частично удвоенных слов (Парале приводит даже случаи 400 образований — от слова *bato* — «камень» и 199 — от *tao* — «человек» — гл. VI, стр. 41—49). Автор отмечает в тагальском языке хорошо приспособленный аппарат адаптации инозаимствований. В то же время он не в силах опровергнуть справедливых обвинений в голом терминотворчестве, выдумывании новых слов, появлении которых не вызывается практическими или теоретическими потребностями. Достаточно сослаться при этом на выпущенный недавно Комитетом по науке «Англо-филиппинский научно-технический словарь»⁶. Заслуживает критики и деятельность ИНЯ в целом, активная и эффективная на первых порах существования института и консервативная в настоящее время. Институт совершенно игнорирует существование разговорного тагальского языка и его территориальных диалектов (в особенности манильского), которые оказывают существенное влияние на развитие и функционирование нормативного тагальского как языка литературного, как филиппинского национального языка. Давно назрела необходимость в грамматическом и лексикографическом описании этого языка с учетом последних достижений общего и сравнительного языкознания. Как известно, до сих пор отсутствует академическая грамматика филиппинского (тагальского) языка и не составлен его толковый словарь.

Особое внимание в книге А. Парале уделено вопросу об использовании местных языков, наряду с общенациональным, для школьного обучения в ретроспективном плане (главы VII—VIII). Основываясь в теоретическом отношении на капитальных трудах И. Антонио и К. Пратора⁷, Парале высоко оценивает значение «эксперимента в Илоило», поставленного еще в 1948 г. Х. Агиларом (стр. 58—65) и показавшего, что использование родного языка весьма эффективно, так как обеспечивает значительное повышение успеваемости. Он обращается к положительному опыту языкового строительства в Советском Союзе, Таиланде, Бирме, Индонезии, Малайзии, Индии (стр. 66—71) и к педагогическим рекомендациям М. Уэста, примеряя их к условиям Филиппин, а в следующей, X главе, некритически излагает конкретную программу ИНЯ на 1967—1971 гг., предусматривающую повсеместное введение филиппинского (тагальского) языка как языка обучения в 1—4 классах начальной школы (вместо языка родного). Это никоим образом не содействует претворению в жизнь общенациональных устремлений, вопреки уверенности автора и его единомышленников (стр. 76).

Все это привело к тому, что в послевоенный период, в особенности с конца 50-х годов, четко обозначились различные региональные и политические силы, противодействующие процессу внедрения тагальского в качестве языка общефилиппинского, хотя этот процесс и идет довольно успешно⁸. Сторонники введения и законодательного признания английского, испанского, другого регионального филиппинского языка (например, сугбуанонского или себуанского), «модернизации» тагальского и даже «создания» нового общефилиппинского языка путем «сплавления» основных филиппинских языков и диалектов и пр. выступают не только в лингвистических дискуссиях, но и активно воздействуют на конгрессменов, официальных лиц.

А. Парале стремится подвести некоторые итоги длительной и бурной дискуссии в печати, которая велась и ведется и по сей день по вопросу о национальном языке. Он обоснованно отвергает заявления о «неадекватности» тагальского английского и другим европейским языкам (а какой язык полностью адекватен другому?), о «неполноте» используемого 20-буквенного алфавита, удачно парирует аргументы В. А. Пасиса, автора пресловутой теории использования нескольких языков в качестве «основы» национального, тщательно анализирует книгу Панласиги «Языковая проблема на Филиппинах» (глава XII), противопоставляя данным этого ученого сведения и обобщения, собранные в докторской диссертации Эрнеста Дж. Фрей «История развития филиппинского национального языка». Если Панласига, как и некоторые другие⁹, полагает, что только английский язык будет способствовать национальной консолидации, национальному развитию филиппинцев, то Парале видит в английском языке «орудие империализма». В частности он пишет: «Языки империалистов ведут туда, куда ведут империалисты» (стр. 91). Мало чем отличается от Панласиги и Дж. Орендаин, предлагающий взамен филиппинского «филиппинский английский» (ср. «американский английский» — эмерженглиш).

⁶ «*Magnifying talasalitaane pang-agham Ingles-Pilipino*», Maynila, 1969; в этом словаре представлены физические, химические и биологические термины, а также терминология ряда общественных наук.

⁷ Isidro Antonio, *Principles of education applied to the Philippines*, Manila, 1962; его же, *The Philippine education system*, Manila, 1949; Clifford Prator, *Language teaching in the Philippines*, Manila, 1950.

⁸ Так, А. Парале приводит следующие данные переписи 1960 г.: говорящих на тагальском стало 44,4% по сравнению с 25,4% в 1939 г., хотя сами тагалы по-прежнему составляют четверть населения страны. По некоторым сведениям, к 1963—1964 гг. эта цифра уже возросла до 48% (см.: *Beginning Tagalog*, Berkeley and Los Angeles, 1965, p. V).

⁹ Некоторые филиппинские и американские исследователи и публицисты считают, что настоящим решением языковой проблемы, ведущим и к подъему народного образования, было бы резкое улучшение преподавания английского (см. Edw. R. Kiunisa la, *The Pilipino problem*, «The Philippines Free Press», 1969, Sept. 20, pp. 8, 78—79).

Два года тянулось «дело против пилипино», затеянное в 1963—1965 гг. бывшим конгрессменом Иносенсио В. Феррером в суде первой инстанции Манилы. Он оспаривал юридически саму законность праша тагальского (филиппинского) быть национальным языком на том основании, что он остался «классическим и чистым тагальским» (стр. 106—114). На процессе, который Феррер проиграл, было, в частности, показано, что тагальский язык поддерживали все президенты страны, хотя никто из них, кроме М. Кэсона, не был тагалом.

Пять глав книги Парале, XV—XVIII и XXVII, почти целиком посвящены давнему теоретическому спору автора с Херунсио Лакуэстой. В последнее десятилетие Лакуэста стал широко известен в стране в связи с организованной им кампанией против филиппинского национального языка, ИНЯ и других официальных органов, которые он обвинил в «пуризме» (даже организовал Антипуристское движение в национальном языке). Лакуэста предложил создать национальный язык на базе манильского диалекта тагальского языка с добавлением лексических и грамматических элементов из английского, испанского и региональных филиппинских языков. Несмотря на утопичность этого проекта, Лакуэсте удалось увлечь им многих из числа недовольных (в основном это профессиональные политические деятели) внедрением тагальского языка в качестве национального, а также наладить выпуск специального журнала «Катас» («Сок») на этом подобии филиппинского эсперанто. Он ведет крикливую кампанию в прессе и даже добился внесения в конгресс нескольких законопроектов, предлагающих узаконение такого языка вместо пилипино (свой «язык» он называет филипино!), ликвидацию ИНЯ и создание вместо него Академии филиппинского языка с широким представительством и т. п.¹⁰ А. Парале аргументированно отстаивает от его нападок современный алфавит пилипино, систему адаптации инозаимствований, терминологическую политику, указывает на серьезные «теоретические ошибки и противоречия во взглядах Х. Лакуэсты.

В XIX главе «Прогресс и перспективы пилипино» автор наглядно показывает прогрессирующее распространение Филиппинского (тагальского) языка на Филиппинах, где он постепенно становится действительно национальным общенародным языком. Филиппинский язык, как свидетельствует Парале, все больше становится языком прессы (тираж ведущих тагальских изданий превосходит тираж изданий на английском языке), администрации, суда, радио и телевидения, официальным языком Филиппинской Республики, наряду с английским языком. Парале показывает преимущество тагальского по сравнению с английским в качестве языка обучения в школе (стр. 257—278), отмечает этническую специфику филиппинской речи, невозможную употреблением английского языка (стр. 36—37). Свои выводы автор подкрепляет ссылками на исследования Х. Рисала, Г. дель Росарио, Х. В. Панганибана, материалы которых приложены к рецензируемой книге (гл. XXI, XXIII, XXVI).

Позиции А. Парале могли бы быть значительно сильнее, если бы он в полемическом задоре, свойственном его статьям и настоящей работе, не забыл о некоторых важных фактах в пользу филиппинского национального языка. Прежде всего, он не упомянул, что исторически тагальский язык оказался языком крупнейшего города страны — Манилы (здесь сосредоточена почти десятая часть населения страны) и столицы — Кэсон-сити, что почти все национальные, общественные движения страны пользовались тагальским языком (за исключением Диего Силанга в Илокандии и Ф. Дагохоя на Бисаях). Следовало бы также вспомнить, что в революции 1896—1898 гг. на Филиппинах испанский язык был средством общения ее лидеров лишь на первом этапе (когда руководство революцией осуществлялось в основном представителями землевладельческой элиты), на втором же этапе революционные лидеры во главе с «великим плебеем» Андресом Бонифасо ввели и даже закрепили законодательным путем тагальский язык¹¹. Поскольку большинство современных исследователей (как противников, так и сторонников А. Парале) считает диалекты бисайского языка (сугбуанон, хилигайнон, самарнон) самостоятельными языками, то оказывается, что носители тагальского языка образуют самую большую этнолингвистическую общность на Филиппинском архипелаге.

К книге А. Парале прилагаются также статьи и речи по проблемам национального языка первого президента Филиппин М. Кэсона и К. Ромуло, а также выступление автора в Конгрессе по вопросу о языковых противоречиях, материалы языкового эксперимента Бюро общественных школ и другие материалы.

Рецензируемая книга содержит самые последние сведения о развитии и функционировании филиппинского национального языка — пилипино, как составной части завершающегося процесса формирования филиппинской нации.

В. А. Макаренко

¹⁰ Geruncio Lacuesta, *Filipino versus Pilipino*, Quezon City, 1967.

¹¹ См.: В. С. Саламанка, Указ. паб., стр. 16, 17.